

ЖИЗНЬ,
РАССКАЗАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

«Готовлю об этом завтра»

Вивьен
ЛМ

Вивьен Ли
Вивьен Ли. Жизнь,
рассказанная ею самой
Серия «Уникальная
автобиография женщины-эпохи»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63317646

Вивьен Ли. Жизнь, рассказанная ею самой: Яуза-пресс; М.; 2012

ISBN 978-5-9955-0465-8

Аннотация

Вивьен Ли начала писать эту книгу в психиатрической клинике, куда попала после окончательного разрыва с Лоуренсом Оливье, – брак с великим актером закончился для звезды «Унесенных ветром» не просто разводом, а личной катастрофой. От черной депрессии и мыслей о самоубийстве не спасали ни алкоголь, ни лекарства, ни электрошоки – никто бы не узнал былую Скарлетт О’Хара в этой почерневшей от горя женщине, которая во время жесточайших приступов твердила лишь: «За что?!». За что он разбил ей сердце и довел до сумасшедшего дома? Почему не радовался успехам жены, а завидовал ее громкой славе? Как мог предать и бросить, едва узнав о ее неизлечимой болезни? Ведь Вивьен любила Лоуренса больше жизни, пожертвовала ради него

всем, даже дочерью от первого брака, – а он не только превратил ее дом в ад, но еще и ослабил в своих скандальных мемуарах, представив психопаткой и алкоголичкой.

Она обязана была ответить. Она должна была объясниться – даже не с ним, а с самой собой, чтобы вновь поверить в себя и свой дар, избавиться от самоуничтожения и чувства вины. Так рождалась эта потрясающая книга – исповедь невероятно сильной и талантливой женщины, которая прошла через все круги семейного ада, вырвалась из черной ямы безумия, буквально восстала из пепла, научившись, подобно Скарлетт, не оглядываться назад и не сожалеть о былом, а говорить себе: «Я подумаю об этом завтра!»

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вырваться любой ценой	7
Я дома, что дальше?	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вивьен Ли

Вивьен Ли. Жизнь, рассказанная ею самой

У меня был выбор. Быть либо актрисой, либо женой Ларри. И если бы я решила остаться просто женой Ларри, я уверена, что была бы замужем до сих пор.

Вивьен Ли. Интервью. 1967 г.

© Павлищева Н., перевод с англ., 2012

© ООО «Яуза-пресс», 2012

* * *

Вырваться любой ценой

Ларри, у моей постели на столике букет цветов, но не от тебя. Почему, дорогой? Как ты объяснишь свое отсутствие рядом со мной, если нет гастролей вдали от Лондона?

Зато в палате три медсестры, три огромные грубые тетки, готовые в любой момент наброситься и, ломая кости, прижать к полу, чтобы сделать очередной укол наркотика или снотворного. Ничего удивительного – я в госпитале для психически больных доктора Фрейденберга.

Ты, именно ты, можешь объяснить, зачем меня затолкали сюда в бессознательном состоянии?

Хорошо, что проснулась под утро и не стала сразу вскакивать, а сначала некоторое время лежала, пытаюсь сообразить, где я и что произошло. А еще хорошо, что одна из трех громил в белых халатах – та самая медсестра, что гонялась за мной со шприцем еще в Нью-Йорке и которой ты позволил вколоть мне слоновью дозу наркотика, чтобы свалить за мертво. В ушах до сих пор стоит твой ледяной голос, безжалостно скомандовавший: «Еще укол!» Ларри, тебе не повезло – хрупкая Вивьен оказалась на удивление живучей.

Может, я и ошибаюсь, тетка была совсем другой, они все друг на друга похожи – руки, как у мужчин-грузчиков, стати великанш, видно, иначе с буйными пациентками не справиться. Только, Ларри, я могу вовсе не быть буйной, меня

достаточно до этого не доводить.

От вида громилы в белом халате я едва не закричала и снова зажмурилась. Лежала, затаив дыхание и пытаюсь сообразить, как можно спастись. На мое счастье, все три медсестры не обращали на меня внимания, они дремали. Прислушавшись к ровному дыханию надсмотрщиц, осторожно приоткрыла глаза и сделала попытку понять, где нахожусь. Белая стена, такая же белая дверь... Понятно, больница. А если осторожно перевести взгляд в другую сторону, то видны решетки на окнах... Тоже понятно – это не просто больница, а психбольница.

По твоей милости я уже знала, что это такое и что меня ожидает.

Оставалось придумать, как обмануть врачей или хотя бы убедить, что не стоит еще раз подвергать меня лечению электрошоком. Знаешь, чего я боялась больше всего? Что утром появишься ты и снова настоишь на применении этого изуверского метода, как сделал уже однажды.

К утру я не только вспомнила все, что предшествовало моему пребыванию в этой больнице, но и выработала линию поведения. Чтобы отсюда выбраться без настоящей потери разума, я буду послушной, ласковой, вежливой, разумной, не буду сопротивляться, иначе мне снова вколют снотворного столько, что может свалить слона.

– Доброе утро! Где это я?

Наверное, увидев живую Медузу-горгону, тетки остолбенели бы меньше, чем услышав мой бодренький голос. Им нельзя дать опомниться, потому я затарахтела дальше:

– Это больница? А как я сюда попала? Хочу есть, пить и... простите, а где здесь туалет?

– Т-там...

– Я могу пройти? Меня не привязали? Не стоит опасаться, приступ прошел, а когда у меня нет приступа, я не кусаюсь и не плюю ядом.

Какое счастье, что я актриса, хотя играть радостное оживление от пробуждения в психиатрической клинике, если там уже побывала, очень трудно даже актрисе!

Конечно, дверь не закрывалась, вернее, в таких местах двери даже в туалет нет вообще. Ларри, ты никогда не лежал в заведениях, где нет дверей в туалет, а если есть, то стеклянные и без занавесок и ширм? Пациенты должны быть все время на виду, а уж такие «страшные», как я, вообще под присмотром трех пар глаз, словно я могла по кирпичику разнести всю больницу.

В этих палатах нет зеркал, видимо, чтобы больные не перебили их, испугавшись собственного отражения.

– Вы не могли бы дать хотя бы маленькое зеркальце и расческу? Что-то подсказывает, что мне нужно привести в порядок свою внешность.

Тетки в нерешительности переглянулись, но с места не двинулись. Это что, запрет?

– Пожалуйста. Женщина, тем более актриса, должна выглядеть хорошо даже в больнице.

Слово «такой» добавлять не стала, чтобы не обидеть служительниц кошмарного заведения. Я полностью зависела от их доброжелательности, от того, захочется им или нет помочь несчастной Вивьен Ли.

Навстречу пошли, одна вынула из кармана пудреницу, а вторая отправилась куда-то в коридор за расческой, а заодно сообщить, что пациентка очнулась и чего-то требует.

Хорошо, что пудреница мала и в нее почти ничего не видно, потому что серое лицо с синяками под ввалившимися глазами, заостренный нос и узкая ниточка бесцветных губ производили впечатление скорее трупа, чем живого человека. Есть такое выражение: краше в гроб кладут. Это обо мне.

Разглядеть всклокоченные волосы не успела, хотя на всякий случай быстро их пригладила. По коридору к двери слышались торопливые шаги, и в палате появился доктор Фрейденберг.

Я была готова слушаться, проявлять чудеса доброжелательности, но не вполне готова делать это немедленно. Пришлось собрать всю волю в кулак, потому что мне предстояло выдержать поединок с врачом, от которого зависело, буду ли я жить вообще. Если сумею убедить, что я в порядке, применять электрошок или другую подобную гадость не станут, а если нет, то...

Не будем думать о плохом...

– Доктор, где мой супруг сэр Лоуренс Оливье?

Фрейденберг был явно смущен:

– Он... я не знаю, миссис Оливье.

– Мисс Вивьен Ли, пожалуйста, мы договорились с Ларри, что я оставлю свое имя. Так где он?

– Он... если появится необходимость, я смогу сообщить ему...

– Думаю, не стоит, пусть сэр Лоуренс отдыхает. Сколько дней я здесь и кто еще знает о моем пребывании?

– Мы никому не сообщали, – пробормотал доктор, игнорируя вопрос о сроке. Ясно, значит, давно. То, что не сообщали, очень плохо, в таком случае меня можно держать здесь до бесконечности. Нужно срочно придумать, как вынудить их позвать хоть кого-то.

– Я чувствую себя хорошо, ничего не болит, покусать никого не хочется... Я могла бы покинуть ваше замечательное заведение?

– О, нет-нет!

– Почему? Я не сумасшедшая и вполне здорова. – Я старалась не дать ему вставить слово. – Что я должна сделать или сказать, чтобы вы убедились, что это так? Сосчитать пуговицы на вашем халате? Повторить всю таблицу умножения задом наперед? Прочитать сонет Шекспира? Скажите какой, я прочту.

– Вы помните, что произошло и как вы сюда прибыли?

Наши глаза встретились, я выдержала его внимательный,

испытующий взгляд и солгала:

– Нет. Но это неважно. Я знаю, что приступ прошел и со мной все в порядке. Я подпишу любые чеки на оплату лечения и отправлюсь домой в «Нотли».

Он понял, что я лгу, и понял, что вижу его понимание.

– Боюсь, это невозможно.

– Почему? Или сэр Лоуренс снова дал разрешение на применение электрошока? В этом нет необходимости, я полагаю, вы не возьмете на себя ответственность за применение зверского метода к той, которой он вовсе не нужен.

– Почему вы проснулись?

– А я должна была умереть? Как-то не случилось... Я жива, а потому хочу привести себя в порядок и отправиться домой. Я вам благодарна за выведение меня из приступа и обещаю щадить себя и не перетруждаться, чтобы не возник новый. Доктор, поверьте, все случилось из-за слишком тяжелых съемок на Цейлоне, мне нельзя было туда ехать из-за моего туберкулеза...

– Из-за чего?!

Похоже, он не знал о туберкулезе.

– У меня туберкулез, а что это меняет?

Снова смущение:

– Нет, ничего... Хотя меняет. Вам понижали температуру тела, обкладывая льдом. Очевидно, этого не стоило делать, если легкие больны.

– Сэр Лоуренс знал?

– Да, но он не сказал о ваших легких.

Я едва сдержалась, чтобы не закричать: «Еще бы!» Но говорить этого нельзя...

– Полагаю, сэр Лоуренс был слишком взволнован моим приступом. Пусть сэр Лоуренс отдыхает, позвоните, пожалуйста, моей матери миссис Гертруде Хартли или моему первому супругу мистеру Ли Холману. Его телефон нетрудно найти в справочнике, Ли юрист. Как видите, меня есть кому забрать из больницы и без сэра Лоуренса.

– Хорошо, мы поговорим об этом завтра.

– Сегодня, доктор, прошу вас.

– Я попробую связаться с теми, о ком вы говорили.

– Доктор, от вас пахнет розовой водой.

Вот этого говорить не стоило, мало ли что он подумает.

Но, похоже, Фрейденберга заботило другое. Позже я поняла, что именно, – я действительно должна была бы проснуться еще не скоро, очень не скоро.

Потекли невыносимо длинные, тревожные дни.

Меня накормили, помогли вымыться, хотя разве можно назвать мытьем скромный душ вприглядку? Это невыносимо – даже туалет совершать под присмотром, боясь сделать резкое движение или сказать лишнее слово, чтобы не восприняли как свидетельство помешательства, не иметь возможности кому-то позвонить, не иметь никакой надежды выбраться из этого ужаса, а еще бояться нового приступа.

В ожидании следующего визита доктора мне пришлось собрать всю свою волю в кулак, улыбаться медсестрам как можно лучезарней и вести себя как можно тише.

Я очень боялась сорваться, боялась заснуть, прекрасно понимая, что в это время могут вколоть что угодно, боялась, что начну сопротивляться и снова получу сеанс электрошока.

Знаешь, что именно помогло мне выдержать? Сначала животный страх перед электрошоком, потом желание увидеть Сюзанну. Потом надежда просто доказать, что я не сумасшедшая, выбраться оттуда, преодолеть все, доказать, что я могу играть, и Шекспира тоже! Заяви я, что хочу играть шекспировских персонажей, это никого не удивило бы, полагаю, там не только Джульетт и Офелий, но и самих Шекспиров в соседних палатах полным-полно. Передо мной стояла просто невыполнимая задача – находясь после тяжелого приступа в психиатрической лечебнице, доказать, что я не сумасшедшая, что меня можно и нужно выпустить, не подвергая никакому лечению.

Сейчас, вспоминая эти дни, пусть их было не очень много, я понимаю, что вполне могла сдать, я страшно устала бороться, я была одна – любимый человек меня предал, родители не интересовались, друзей ко мне не пускали...

Ларри, одиночество где-нибудь в собственном доме, даже в лачуге, это одно, одиночество в психиатрической лечебнице – совсем иное. Наверное, это самый страшный вид оди-

ночества, оно безнадежное. Даже самой с собой поговорить нельзя! Под запретом любые эмоции – радость, слезы, даже страх, но не потому, что там бездушные люди, просто любая яркая эмоция вызовет подозрение в обострении болезни, даже если самой болезни нет.

Но и безразличие тоже подозрительно. Вот тогда возникает отчаяние, и очень трудно не запустить чем-нибудь во что-нибудь или в кого-нибудь. Остается только лежать, отвернувшись к стене и жалея себя. Я понимала, что это прямой путь к деградации, но постепенно стало почти все равно. Если я никому не нужна, что можно поделать? К чему вообще такая жизнь?

Если у меня действительно маниакально-депрессивный психоз, как ты доказывал всем, то мне самое место вот в такой больнице или где-то в подобном месте. Я солгала доктору, что не помню, как попала в больницу, конечно, все помню.

Сорвала съемки «Слоновой тропы», приняв Питера Финча за тебя, у меня случилось несколько приступов один за другим. Можно сколько угодно кричать, что это из-за невыносимых условий на Цейлоне, от усталости и обиды, из-за постоянных унижений, но суть неизменна – я в психушке и попала сюда принудительно из-за того, что оказывала яростное сопротивление медсестрам и врачам. Весь мир знает, что я психически ненормальна! Но это означает, что ни-

кто больше не захочет связываться со мной ни в театре, ни в кино. И тебе, Ларри, я тоже не нужна, иначе ты был бы рядом, а ты старательно меня избегаешь.

И родители сбежали. Никого, кто мог бы прийти на помощь, просто поговорить. Одна...

Ларри, желаю тебе никогда в жизни не испытать такого страшного одиночества. А ведь ты псих ничуть не меньший, чем я, только я прячу все свои обиды и эмоции внутри (когда их становится слишком много, они выплескиваются приступом), а ты срываешься на окружающих, прежде всего на мне.

Если я не смогу работать, как прежде, не смогу быть радужной хозяйкой большого гостеприимного дома, не смогу ничего дать своей дочери, не смогу играть, то к чему выбираться из этой палаты? Может, лучше смириться, так всем удобней, не нужно изображать заботу о бедной Вивьен, ты сможешь оформить развод и снова жениться, ставить шекспировские пьесы и играть все главные роли в театре, беря в партнерши тех, кто не составит тебе конкуренцию в борьбе за симпатии зрителей...

Черт его знает, Ларри, может, я и смирилась бы. В том состоянии, в котором я была, все еще оглушенная наркотиками, безнадежностью, ощущением покинутости, ненужная, нелюбимая, нежеланная... я не хотела даже бороться. Кто я? Чучело, страшилище, уродина! И это та, что совсем недавно славилась своей красотой, за которую даже упрекали.

Маниакально-депрессивный психоз! Я читала об этой бо-

лезни. Конечно, можно возразить, что ею страдают многие актеры, художники, вообще те, кто занят творчеством ежедневно, но это не оправдание. Они же не кидаются на пол с рычанием и не кусают медсестер, пытающихся сделать укол. То, что укол не нужен и даже вреден, не в счет, главным было сопротивление и нежелание подпускать к себе кого-то. Медперсонал в таком случае не церемонится, я знаю.

Ну и кто я после этого?

Это я уверена, что мне нужно всего лишь твое присутствие, твое одобрение, твоя любовь, другим этого не докажешь. Чтоб из-за недостатка любви рычать и кусаться? Глупости! Слоновья доза снотворного или наркотиков – и пусть спит! Откажет печень? Тем лучше. Свихнется окончательно? Ничего, есть электрошок.

Хороша перспектива? Я прошла через это, Ларри. С твоей помощью, дорогой.

Мне должен бы помочь ты, ведь мои срывы в большой степени твоя «заслуга».

А помогла...

Я привычно дремала – бездумно, безрадостно, безнадежно в ожидании непонятно чего. И вдруг...

Запах роз был настолько явственным, что заставил обернуться. На столике рядом с кроватью стоял красивый букет в красивой вазе! Это он источал такой божественный аромат. На лице невольно появилась улыбка, я люблю розы, ты пом-

нишь. Хотя сейчас это неважно – помнишь или нет.

А рядом с букетом лежала пудреница, стояли духи и еще кое-какие мелочи.

Я изумленно разглядывала сокровища и вдруг заметила женщину в белом халате у двери. Она улыбалась:

– Вам пора просыпаться по-настоящему. В душе повесили большое зеркало. Только осторожно...

Сказала и исчезла за дверью.

Кто она и откуда знает, что я люблю именно «Кристиана Диора»?

Я попеременно нюхала то розы, то духи до одурения, пока не чихнула. Поплелась в душ, поразившись тому, что в дверном проеме занавеска, которой раньше не было. Знак доверия? На полочке душистое мыло... И зеркало...

М-м-м... Еще неизвестно, что лучше – иметь это зеркало на стене или не иметь. Пока его не было, я хотя бы не вполне представляла, во что превратилась.

Где Скарлетт, где леди Гамильтон, Клеопатра... где просто Вивьен Ли, которую столько ругали за внешность, считая красоту помехой талантливой игре?! В зеркале отразилось настоящее чучело с безобразно отросшими волосами, всклокоченное, бледно-зеленое, искореженное... с синими кругами, сеткой морщин вокруг глаз и на лбу. Но ужасней всего сами глаза – в них боль и страх. И вот этот страх вполне можно принять за безумие.

Попытка улыбнуться положение только ухудшила. Сама

улыбка вышла кривоватой, а выражение глаз не изменилось. Я едва не зажмурилась от ужаса. До чего же меня довели, если страх поселился столь прочно!

Да, Фрейденберг прав – выпускать вот этокое за пределы клиники нельзя, снова упекут куда-нибудь. Сумасшедшая... Господи, что же мне кололи, если я пришла в такое состояние?! Если честно, болело все – внутренности, кости, особенно голова и легкие. Каждый вдох давался с трудом. Неудивительно, человека с туберкулезом обкладывали льдом! Хорошо хоть надсадного кашля с кровью нет.

Мелькнула дурацкая мысль: может, начать кашлять, чтобы они, испугавшись, отправили меня в больницу для легочных больных, оттуда выбраться будет легче. Нет, не отправят... наоборот, запрут в палате насовсем и еду будут просовывать в окошко в двери, как заключенной.

Что бы ни было дальше, в тот момент у меня была возможность нормально вымыться и не воспользоваться ею глупо.

«Я не буду думать об этом сегодня. Я подумаю об этом завтра...»

Дверь в палату тихонько распахнулась, и на пороге показалась та самая женщина, вместе с которой появился букет роз.

Я уже никому и ничему не верила. В психушке не бывает подарков, там только меры. Внутри все сжалось, за роскошь дышать ароматом роз и вымыться хорошим мылом нужно

платить. Я знала, чем именно расплачиваются в таких больницах, а потому накатила волна настоящего ужаса. Сейчас следом за ней войдут громилы, подхватят под локотки и потащат на электрошок! Любое сопротивление только добавит еще один сеанс.

Внутри росли отчаяние и паника, еще мгновение, и я бы сорвалась, забившись в угол кровати и истошно крича. Новый приступ готов начаться. Остановил его спокойный, приветливый голос:

– Вымылись? Так гораздо приятней, правда?

Ларри, достаточно вот этого – чьего-то приветливого спокойствия, чтобы внутри все начало оседать, дышать становилось легче, а биение пульса в висках перестало заглушать остальные звуки. Почему ты не мог поступить так же – произнести несколько слов спокойным, ласковым тоном?

– Да...

– Я Марион, помощница доктора Фрейденберга. Букет и духи прислал ваш друг Ноэль Кауард. Вы любите «Диора»?

– Да, спасибо.

Я старалась дышать глубже, чтобы успокоиться поскорей. Марион, видно, поняла, снова улыбнулась:

– Открыть окно? Здесь душно. Только возьмите одеяло, чтобы не простыть. Так хорошо?

И все равно я не верила в эту доброжелательность, только кивнула. Наверное, со стороны я выглядела затравленным зверьком, готовым кусаться и царапаться.

– Ваших родителей нет в Лондоне.

– А мистер Ли Холман?

– Его вызвали. Но прежде я хочу поговорить с вами.

Начинается! Я снова напряглась, как струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

– Вивьен, вы позволите мне называть вас так? Вивьен, доктор Фрейденберг считает, что у вас не маниакально-депрессивный психоз, вернее, если это и он, то лишь начальная стадия. Скорее это синдром эмоционального выгорания, хроническое нервное истощение. Доктор пока только начинает исследовать такое состояние и причины его появления.

– Какая разница?

– Нет необратимых изменений личности. Это просто способ защиты мозга от перегрузок, чрезмерных требований к человеку, ощущения необъективной оценки ваших заслуг, слишком большой критики и тому подобного. Когда груз становится невыносимым, мозг реагирует очередным приступом. Такое состояние испытывает подавляющее большинство людей, особенно вашей профессии, но многие умеют сбрасывать тяжесть, например, алкоголем, гневом или даже исполнением ролей, в которых возможна демонстрация отрицательных эмоций. Я посмотрела ваши фильмы, список ваших ролей, отзывы о вас. У вас нет такого выхода, потому организм, к тому же ослабленный борьбой с туберкулезом и другими проблемами, находит иной выход.

Я слушала ее, буквально раскрыв рот. Все, что говорила

доктор Марион, верно.

– Что из этого следует? Выход есть?

– Есть. Сначала подлечить нервы. А потом я расскажу вам, как научиться справляться со своими эмоциями, как сбрасывать лишний груз. Но вы должны научиться видеть этот груз.

– Нервы лечить здесь?

– Думаю, нет. Конечно, ваш супруг хотел бы, чтобы вы оставались в нашей клинике как можно дольше, вы должны были проснуться еще очень не скоро. Сейчас я больше ничего не буду вам говорить, достаточно услышанного. Скоро встретимся снова. А пока попытайтесь вспомнить свою жизнь с тех самых пор, когда у вас впервые случился приступ, и понять, после чего это происходит.

После ее ухода я долго стояла перед зеркалом, изучая не столько свое отражение, сколько выражение глаз. Вымытые волосы больше не торчали в разные стороны безобразными космами, но синяки под глазами никуда не исчезли, морщины тоже. Брови заросли, а уж о руках и говорить нечего, недели две без маникюра, остатки лака, обломанные ногти... Ужас!

И все-таки у меня был выбор. Вернуться на свою кровать, лечь и лежать, бездумно уставившись в потолок или стену, постепенно отвыкая от самой способности думать, или попытаться бороться за себя. Только как и зачем? Я заперта в

палате и при малейшей попытке бунта буду связана, напичкана наркотиками или, хуже того, подвергнута электрошоку. Ко мне никого не пускают, дорогой муж явно удрал куда-то, чтобы не брать ответственность на себя, остальные либо сбегали тоже, либо просто ничего не знают.

А в глазах страх... животный, безумный... и это самое ужасное.

На следующий день Марион помогла мне перебраться в отдельную палату больницы Университи-колледжа. Меня никто не имел права держать у доктора Фрейденберга, не объявив сумасшедшей официально, но никаких показаний для такого диагноза не было.

Ларри, кажется, я впервые за столько лет радовалась тому, что тебя нет рядом! Ужасно? Но я прекрасно понимаю, что ты дал бы согласие за меня, у меня в ушах до сих пор стоит твой ледяной голос, командующий медсестре: «Еще укол!» Никогда не забуду... «Еще укол!», когда ты прекрасно знал, что доза снотворного и без того сильно превышена и следующая может стать смертельной. Тебе было проще убить меня, чем лечить, Ларри?

Сэр Лоуренс Оливье, я еще предъявлю вам моральный счет за вред, нанесенный здоровью, но это позже. Сейчас мне категорически запрещено разговаривать с тобой иначе как ласково. Кем запрещено? Доктором Марион и мной самой.

В палате нормальные условия и телефон у кровати. Первыми последовали вызовы секретарши, косметолога и маникюрши. Прежде чем показаться кому-то, нужно привести себя в порядок.

Все всё понимают и старательно делают вид, что ничегошеньки не произошло. Кажется, будто я только вчера вернулась с Цейлона, где воевала со слонами, разрушавшими имение героев фильма, а потому у меня столь всклокоченный и потрепанный вид. И никаких напоминаний о моих приступах на Цейлоне и в Голливуде, о безобразной расправе, устроенной надо мной по дороге в Лондон, о днях, проведенных в клинике доктора Фрейденберга. Но главное, ни слова о тебе, словно рядом и не должен находиться мой супруг Лоуренс Оливье, словно это не он приказал накачать меня наркотиками до умопомрачения, чтобы, как бревно, доставить из Голливуда в Лондон, не он определил в эту клинику и дал согласие на обкладывание льдом, зная о туберкулезе.

Я их понимаю, мало кто рискнет выступить против Лоуренса Оливье в защиту его сумасшедшей (теперь-то в этом уверены все!) жены. Были приступы? Были. Врачи вынуждены применять силу? Да. Кто же теперь не пожалеет Ларри?

Самое хрупкое у человека – это твердая уверенность в себе. Как бы мне удержаться и не рассыпать ее мелкими осколками вокруг самой себя? Тогда исчезнет стержень, опираясь на который я намерена выбраться из кошмарной ситуации. Вокруг столько воодушевленных лиц, но глаза по-прежнему

прячут все.

Как пройти по тоненькой жердочке, нет, даже ниточке, натянутой над пропастью непонимания, недоверия и неверия в мое нормальное психическое состояние? Как доказать, что я вполне способна не только выбраться из больницы, не только жить, но и не впадать больше в состояние этого самого выгорания? Никогда больше ко мне не будут относиться по-прежнему, клеймо психически больной не исчезнет, и всю оставшуюся жизнь мне предстоит доказывать, что это случайность, что я могу держать себя в руках, что не только не опасна для окружающих, но и способна быть прежней, играть на сцене и в кино.

Почти невозможная задача, особенно сейчас, пока я в клинике и после страшного приступа. А ведь достаточно было просто отвезти меня с Цейлона сразу в Лондон и несколько дней позволить отлежаться дома в «Нотли». А еще лучше не отправлять в жуткие условия съемок в самый разгар жаркого и влажного сезона туда, где и здоровому-то тяжело. Но Ларри предпочел деньги, а еще явно был рад, что не поехал сам и избавился от меня на некоторое время. Сначала все шло по его плану, а потом вдруг слишком перекошилось. В результате я в Англии в больнице с репутацией свихнувшейся, а мой дорогой супруг отдыхает где-то в Италии.

Ничего, по крайней мере, ясна если не вся ситуация, то моя задача. Во всем можно найти свои плюсы, после шага в пропасть хотя бы направление движения становится опреде-

ленным. Так вот моя задача – это самое направление изменить! Невозможно? Но другого-то не дано, внизу пропасть... терять нечего, а попробовать стоит, вдруг летать умеют не одни птицы?

Господи, в какую философию потянуло! Только бы не прочел кто-то из медперсонала – безо всякого Ларри вернут к Фрейденбергу в палату к философам. Удивительно, когда у человека есть все и даже больше, он просто живет, а когда остается узенькая полоска света в окошке, вдруг начинает философствовать. Неужели, чтобы понять собственную жизнь, нужно оказаться в больнице с зарешеченными окнами и медперсоналом, обученным скручивать в узел самых сильных и буйных пациентов?

Если так, то, Ларри, тебе не помешало бы хоть недолго пообщаться с доктором Фрейденбергом и его персоналом. В твоей жизни и психике перекосов не меньше, чем в моей, просто ты умеешь выдавать их за гениальность и сам справляться со своими комплексами. Тебе эмоциональное выгорание не грозит, нечему выгорать, ты выплескиваешь эмоции либо на окружающих, либо в ролях, либо на меня. А еще умеешь подчинять своей воле, я почувствовала это с первой минуты встречи и подчинилась с восторгом. Пожинаю плоды...

Но, ей-богу, я ни о чем не жалею! Даже о том, что только что с твоей помощью побывала в психушке. Это тоже опыт, а любой опыт полезен, по крайней мере, я попытаюсь разо-

браться в себе, а если смогу, то и в тебе. Зная, что собой представляешь и на что можно рассчитывать, легче двигаться дальше.

Нет, меня не зря затолкали в клинику к доктору Фрейденбергу, там мне самое место, но этого я никому не скажу. Нормальные люди просто живут, а не пытаются подвести основу под свои расстройства рассудка и не разрабатывают теорий выхода из синдрома эмоционального выгорания (они в него просто не попадают).

А я вообще-то тем занимаюсь? Нужно посоветоваться с Марион.

Марион сказала, что первым условием моего «освобождения» должен стать анализ того, когда начинаются приступы и, самое главное, – в результате чего. Нужно вспомнить предшествующие не просто дни и события, а ощущения и... обиды. Только вспоминать осторожно, чтобы снова не свалиться в приступ. Она научила «останавливать» мозг, когда улавливаются первые признаки приближающегося приступа. Пока получается, я уже несколько раз справлялась.

Но главное – анализ причин.

Для этого я пишу письма, которые никогда не будут отправлены и прочитаны кем-либо, кроме меня самой.

Марион попросила подробно вспомнить детство, свои детские и юношеские обиды и трудности и... рассказать об этом тебе, Ларри. Почему тебе? Но я послушная пациентка

(если мне не колоть принудительно наркотик – не сопротивляюсь), а потому выполняю ее просьбу.

Итак, Ларри, читай то, что, возможно, тебе и без того известно. Нет, не так, Марион сказала, что я должна словно рассказывать тебе все, мысленно формулируя и твои возражения тоже. Словно сравнивать себя и тебя. Странный способ лечения, но я попытаюсь.

Я родилась в Индии во вполне состоятельной и тогда еще дружной семье.

Ларри, зная твою обидчивость, сразу оговариваю: я ни в малейшей степени не стремлюсь подчеркнуть разницу между своей и твоей семьей, своим и твоим детством и юностью. Я помню, насколько тяжелыми были они у тебя, преклоняюсь перед тем, что тебе удалось, имея столь трудные условия для старта. Много раз тебе об этом говорила и могу повторить еще не единожды.

Ты безумно самолюбив, а потому все, что касается хотя бы малейшей ущербности в чем-то по отношению к тебе самому, произносить вслух опасно, можно вызвать бурю негативных эмоций. Зря, потому что твои успехи выглядят куда более ценными на фоне трудностей, которые ты испытал в жизни, а достижения более яркими, если вспоминать об усилиях, на них затраченных. Поверь, победа, дающаяся очень легко, ценится меньше, чем та, что завоевана, по праву заслужена трудом. Что легко дается – легко теряется, а то, что

ты не получил, а заслужил, остается с тобой.

Вернемся к моему детству.

Индию я помню плохо, но не потому, что память слаба, просто детство до шести лет проходило в весьма ограниченном пространстве, собственно, саму Индию я не видела, никому не пришло бы в голову отпускать ребенка куда-то за пределы дома, своего или чужого – неважно. Свой большой дом в Калькутте, соседский еще больше, клуб – такое могло быть где угодно, не только в Индии.

Мама вовсе не стремилась познакомить меня с местными обычаями или языком. Зачем? В Англию, и только в Англию! Мне даже обожаемую аму (кормилицу) из местных быстро заменили гувернанткой-англичанкой. Мама умела настоять на своем, она вообще очень волевая и практичная. Миссис Гертруда Хартли и в Англии нашла свое место, ее «Салон красоты» процветает, многие косметологи хотели бы поучиться у моей мамы.

А вот для отца Калькутта была предпочтительней, подозреваю, что он был бы не против остаться там, отправив некогда любимую супругу в Лондон одну. Но куда Эрнесту Хартли до Гертруды Хартли! Мама хитрей, для начала она отправила в Англию меня.

– Что делать девочке-англичанке в Калькутте?! Не за горами то время, когда ей придется выходить замуж. За кого?!

Отец мог бы возразить на сей риторический вопрос, что мама нашла себе супруга даже в Калькутте, но он молчал.

Вернее, возражал только по поводу моего возраста. Однако возраст – вещь изменчивая, тот, кто еще вчера был слишком мал или молод, как-то очень быстро становится достаточно взрослым и даже слишком зрелым. Удивительно, но с годами эта тенденция существенно ускоряется, ты не находишь? В детстве время тянется, в молодости спешит, а потом начинает нестись вскачь. И это несправедливо, потому что оно начинает торопиться именно тогда, когда ты уже что-то понимаешь, чему-то научен, чего-то стоишь.

Когда мне исполнилось шесть, мама решила, что ждать ей надоело, и повезла меня в Рокемpton в монастырскую школу.

Я помню, Ларри, что тебе было куда труднее, потому что семья практически нищенствовала. Однажды, когда я сожалела об отставке любимой кормилицы, ты взорвался:

– У меня не было не только кормилицы, но и самого молока! Что за проблемы – заменили одну служанку другой?! Проблема, если ты голоден изо дня в день.

И все же в нашем детстве есть нечто общее: спектакли. Нет, не возможность ходить в театр, а желание участвовать в представлениях. Я понимаю, что ты снова возразишь: я играла в любительских спектаклях детей из богатеньких семейств, для которых костюмы шились специально и даже изготавливались декорации, а ты разыгрывал выдумки перед своей мамой. Но страсть к лицедейству не знает имущественных границ.

Знаешь, самым первым семейным воспоминанием о моих выступлениях была память об отказе во время премьеры петь, как положено по роли:

– Я не хочу петь, я буду декламировать!

Хорошо, что декламация четырехлетней нахалке удалась, не то позор был бы велик.

Мой отец был достаточно известен в театральных кругах Калькутты, правда, как актер-любитель, но очень талантливый. Он не перенес бы позора дочери. Шучу, конечно, утешил бы самозванку, но этого не понадобилось, дитя Эрнеста Хартли не слишком смущалось на сцене.

Было и отличие в нашем детстве, связанное вовсе не с состоятельностью или бедностью: пусть не слишком благополучная, пусть почти нищая, но у тебя была сама семья. У меня ее с шести лет не было.

Нет, мои родители никуда не делись, не развелись, не стали жить отдельно, но они оставили меня в монастырской школе Рохемптона. Мама сумела убедить даже матушку Эштон Кейз, директрису школы, что я вполне гожусь для исключительно строгого воспитания в этом заведении. Я пыталась умолить отца не оставлять меня у чужих и так далеко от дома, цеплялась за него (вот это отчаяние я помню), обиделась за то, что он не пошел против воли мамы, долго не могла простить...

С этого времени у меня не было родительской семьи, только своя собственная с Ли Холманом и с тобой. Мне даже

учиться быть хорошей женой не у кого. Конечно, в монастырских школах (сначала одной, потом других) нас многому научили, но куда предпочтительней домашний опыт. Иногда я думаю, насколько это неправильно – обучать детей в отрыве от дома. Возможно, на мальчиков это влияет меньше, они должны быть мужественными, но девочек уродует наверняка.

Умение вести хозяйство, шить, вышивать, гладить или готовить – это еще не все, это, так сказать, техническая сторона дела, ей научиться проще всего, если не умеешь, можно поручить слугам. Совсем иное дело – взаимоотношения в семье, между мужчиной и женщиной, к детям, даже к гостям. Моя мама подала мне дурной пример, определив в далекую от дома школу в столь раннем возрасте. Позже я не увидела ничего катастрофического в том, чтобы оставить собственную дочь, уйдя из дома.

Нет-нет, я ни в коем случае не обвиняю маму, но, не получив в детстве опыта жизни с мамой, я лишила таковой и свою дочь. Конечно, это стоило мне немало слез и переживаний, но, как бы ни было ужасно, между Сюзанной и тобой, Ларри, я выбрала тебя. И только благодаря Ли и моей маме отношения с дочерью постепенно наладились, хотя подозреваю, что она никогда не простит мне такого выбора.

Монастырские школы приучили к жесткой дисциплине, к порядку во всем, к тому, что требовать чего-то особенного недопустимо.

Я знаю, Ларри, ты убеждаешь всех, что твоя жена капризна, не знает отказа ни в чем, не знает слова «нет», мол, все для меня, любая прихоть выполняю. Я молчу, хотя это вообще не так. Ты сам мог бы вспомнить что-то, что выглядело бы невыполнимым капризом, но вопреки здравому смыслу и возможностям было выполнено, потому что я этого пожелала? Будь честен, дорогой, я желаю только то, что ты можешь выполнить либо готов сделать. Букет цветов – каприз? Или просьба к гостям курить только определенные сигареты, потому что дым других вызывает у меня кашель?

Ты знаешь более послушную женщину, готовую даже видаться с собственным ребенком тайно, поскольку это не нравится любовнику, актрису, готовую отказаться от любой роли, потому что роль негодна мужу, жену, готовую, несмотря на больные легкие, превратить сырой каменный мешок в очаровательное гнездышко, потому что серая, мрачная громада «Нотли» понравилась супругу в качестве будущего дома?

Я готова всегда и на все, Ларри, единственная вольность, которую я позволила себе, – добиваться роли Скарлетт (хотя ты не был против!) и играть на сцене по-своему. Я не виновата, что мой подход нравится критикам и зрителям больше твоего. Но об этом потом.

Я послушная, возможно, слишком послушная жена, женщина, мать, актриса. И сейчас постепенно начинаю понимать, что твоя первая супруга Джилл была права, предупре-

жда, что это послушание до добра не доведет, что в отношениях с тобой одинаково губительны и сопротивление, и подчинение. Первое грозит разрывом, второе – потерей собственного «я».

Господи, только бы не сорваться снова! Еще раз мне из клиники Фрейденберга не выбраться.

Марион больше не будет рядом, ей не простили моего бегства из психиатрической лечебницы и пришлось вернуться в Америку, это первое. Второе – приехал Ларри! Впервые я боюсь своего мужа. Какой уж тут разговор по душам, если меня просто парализует страх. А страх – это приступ.

Нет, я справлюсь, обязательно справлюсь! Марион вчера беседовала со мной несколько часов, все наставляла и наставляла, советовала, учила, обещала звонить как можно чаще. Я знаю, что она рискует собственной карьерой, но пока справиться без ее помощи не могу. Господи, так хорошо начиналось!

Доктор права, ее отсутствие нужно воспринимать как очередное испытание для меня, с которым я обязательно должна справиться. Так и будет. Главное – не поддаться страху и не дать ни малейшего повода втянуть меня в приступ. Я буду спокойна, даже холодна, я буду непробиваема, недостижима, не... что бы там еще написать про «не»? Ладно, я просто справлюсь.

Ларри – шелковый, ведет себя так, словно и впрямь признает свою вину в моем пребывании у Фрейденберга. Значит, виноват.

Букет на столике рядом с кроватью теперь от него, рядом гордо красуется карточка: «Любимой жене. Ларри». Примирение? Я молчу о приступе, он тоже, словно ничего и не было.

Пора домой, потому что больничные стены даже в клинике Университи-колледжа давят, больница есть больница. В «Нотли» у меня есть своя комната, свои книги, туда придут мои друзья, я буду слушать свою любимую музыку. Я уже лежала запертой в «Нотли» целых четыре месяца, когда Ларри впервые испугался моей болезни – туберкулеза. Смешно вспомнить, тогда он боялся подойти к кровати, ведь туберкулез заразен. Пришлось сказать, что я не люблю его, чтобы дать повод не целовать даже в щеку.

Хочу домой и как можно скорее. Только не хочу, чтобы отвозил Ларри, почему-то страшно, вдруг он снова отправит к Фрейденбергу. Глупость, конечно, но страшно. Нет, лучше позвонить Кауарду. Ноэль друг, он всегда выручит и не боится заразиться от меня ни туберкулезом, ни безумием. Особенно вторым.

Я дома, что дальше?

Как же хорошо дома! Даже в собственной спальне, где знаком не просто каждый уголок, но каждый дюйм, вдруг открываются столько нового.

Под надуманным предлогом, что мне нужно больше спать и просто читать, я удалила Ларри, стоит отметить, что дорогой супруг подчинился не без облегчения. Это дает мне возможность взяться за свои записи, не боясь, что их кто-то увидит. Ларри не слишком настаивает на частом общении, а остальные нос в мои дела не суют. Прекрасно, я могу доделать то, что начала под руководством доктора Марион. Перед отъездом она дала мне вопросник, по которому я должна описать свою жизнь, стараясь не обманывать саму себя, даже если это не слишком приятно.

Быть честной с самой собой тяжело, даже труднее, чем с другими. Ложь другим можно оправдать, а как оправдаться перед собой? Интересная тема, над этим стоит подумать.

Кажется, что оправдать саму себя проще всего, в душе мы же все знаем, что хорошие, а если и поступили недостойно, то просто так случилось, мы вовсе не хотели совершать подлость, на это нашлись тысячи причин... Даже если думать не о подлости или откровенных ошибках, а просто о каждодневном поведении, все равно найдется тысяча и одна причина оправдать себя.

Это хорошо и плохо одновременно, Марион права. Если себя только корить за ошибки, жизнь покажется немилой уже через пару дней, но если только оправдывать, то можно докатиться до такой низости... Где золотая середина? Не о ней ли толкуют те, кто наставляет нас в самом начале жизненного пути?

Что-то я занялась философией. Самое время после выхода из психбольницы!

Пересмотрела свои предыдущие записи и поняла, что для больной с маниакально-депрессивным психозом я, пожалуй, излишне логична и даже насмешлива. А для синдрома эмоционального выгорания слишком оптимистична. Это признак выздоровления? Тогда я на верном пути. Правильно доктор советовала мне побольше шутить над собой и над тобой.

Она ошибается только в одном: над собой шутить можно, а вот над тобой опасно, особенно в том, что касается твоего творчества и положения короля английской сцены, шутка может плохо закончиться. Но я буду шутить вслух над собой, а в записях над нами обоими.

У меня получается! Сегодня в «Нотли» приезжал на обед Дэвид Нивен, он в Лондоне по делам. О!.. бедолага Дэвид не знал, куда прятать глаза. Ведь это он помогал выманить меня из гримерной, когда начался приступ в Голливуде.

– Дэвид, дорогой, не смотри так, словно ты продал меня

в рабство на галеры и тридцать сребреников прожгли дыру в твоём кармане. Я выкарабкалась, больше не опасна, меня научили держать себя в руках. У меня одна просьба: пожалуйста, расскажи мне все, что ты помнишь, без утайки. Мне нужно знать.

– Не стоит, Вив.

– Дэвид, я всегда считала тебя другом, потому и согласилась впустить в примерную в ту кошмарную минуту. Мне нужно увидеть все со стороны. Понимаешь, я должна понять разницу между своим и сторонним восприятием моего поведения. К тому же я обидела многих людей, нужно извиниться. Ты должен мне помочь.

– Это не опасно?

– Дорогой, я больше не кусаюсь и кричать «Помогите!» тоже не буду, обещаю это. Давай поговорим, пока не вернулся Ларри. И снотворного в твоём кофе нет.

Это даже доставляет удовольствие – видеть, как заливается краской стыда Дэвид Нивен, обычно играющий английских аристократов – строгих, чопорных, с неизменной бабочкой и цветком в петлице. Моя рука легла на его руку:

– Не переживай, я понимаю, что ты хотел как лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.